

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-599-626>

<https://elibrary.ru/GPDFJZ>

УДК 821.161.1.0+82-6

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

Научная публикация архивных материалов /
Scientific Publication of Archival Materials

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД В НАЧАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

© 2023 г. С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается неизвестный эпизод творческой биографии К.И. Чуковского, связанный с первым этапом его столичной карьеры на поприще газетной критики, до сих пор не нашедшим отражения в научной литературе. Анализируются причины, по которым Чуковский-мемуарист пропустил этот эпизод в позднем автобиографическом эссе «Сигнал». На основании сопоставления воспоминаний, дневниковых записей и писем, а также новонайденных архивных материалов реконструируются события весны 1905 г., когда молодой одесский газетчик предпринял попытку войти в мир петербургской массовой журналистики. Впервые показано, что основным наставником Чуковского в этот период был полузабытый сегодня критик и историк литературы марксистской ориентации Е.А. Соловьев (Андреевич) (1866–1905). Анализ писем Соловьева к Чуковскому, а также статей Чуковского о Соловьеве (в том числе некролога) дает возможность определить характер их взаимоотношений; выяснить роль старшего журналиста в карьере начинающего критика. Особое внимание уделяется новонайденному открытому письму вдовы Соловьева в журнал «Театральная Россия», в котором предпринята попытка подорвать литературную репутацию Чуковского и поставить под сомнение достоверность его воспоминаний о покойном Соловьеве. В результате выявляются четыре возможные причины неупоминания эпизода весны 1905 г. в поздних мемуарах писателя.

Ключевые слова: Чуковский, Жаботинский, Соловьев (Андреевич), «Тетральная Россия», литературная репутация, критика, мемуары, биография.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. Незвестный эпизод в начале литературной карьеры Корнея Чуковского // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 599–626. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-599-626>

Часть 1

«Он был эстетическим фактом, артефактом» [3, с. 299] — так говорила Лидия Гинзбург о Корнее Ивановиче Чуковском (1882–1969), литературном критике, детском писателе, сказочнике, литературоведе, переводчике, мемуаристе — одной из самых популярных и в то же время загадочных фигур в отечественной культуре XX в. Это емкое определение подчеркивает не только артистичность натуры писателя, но и его осознанную установку на моделирование собственного образа и творческой биографии в восприятии читателей. Огромное наследие Чуковского, в котором значительное место занимают воспоминания о современниках и о себе, представляет исключительный интерес в ракурсе сложнейшего вопроса о соотношении между документальностью и фикциональностью, фактами и вымыслом, а главное — между различными и далеко не всегда явными авторскими интенциями, задействованными при создании автобиографических произведений.

По мнению М. Петровского, мемуары Чуковского тяготеют к художественной точности, несмотря на их документальность [11, с. 372]. Это положение, даже если признать его верным, не снимает вопроса о принципе отбора репрезентируемых эпизодов прошлого. Он становится особенно актуальным, когда выясняются факты, меняющие в той или иной степени представления о биографии писателя. Наиболее запутанным и противоречивым долгое время был ранний, одесский период, несмотря на то (или именно потому), что он был описан в автобиографической повести «Серебряный герб» (1967), а также в мемуарном эссе «Как я стал писателем», опубликованном посмертно (1970). Сегодня стали известны многие обстоятельства происхожде-

ния, детства и юности, которые Чуковский предпочитал скрывать по разным причинам. Выявлено имя «доброго гения», Владимира Жаботинского, сыгравшего колоссальную роль в судьбе талантливого юноши, который в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств оказался почти социальным изгоем. Благодаря покровительству Жаботинского Чуковский (тогда еще Николай Корнейчуков), в 1901 г. стал сотрудником «Одесских новостей», а через два года уже оказался в Англии в качестве корреспондента этой газеты. Е.В. Иванова справедливо предполагает, что в Лондоне Чуковский осознал свое призвание литературного критика, и связывает этот профессиональный выбор с решением покинуть Одессу и переехать в столицу вслед за Жаботинским, перебравшимся туда в 1903 г. [5, с. 84]. Но вот что интересно: кардинальный поворот в жизни провинциального газетчика — переезд в Петербург в 1905 г. — представлен в существующих биографиях писателя по-разному, что задает новые загадки. Цель настоящей статьи — реконструировать именно этот эпизод биографии Чуковского, до сих пор недостаточно полно освещенный в научной литературе.

Согласно мемуарному очерку «Сигнал» (1964), вхождение Чуковского в мир столичной литературы проходило в два этапа. Первое посещение Петербурга относится к весне 1903 г., оно было коротким, но несмотря на это «двадцатилетний, худой и голодный» провинциальный газетчик «в две-три недели перезнакомился чуть ли не со всеми его литераторами» [13, т. 4, с. 540]. В более позднем автобиографическом эссе «Две королевы» (1967), повествующем именно об этом визите, узнаем, что в это время Чуковский бегал по редакциям, но его рукописи нигде не брали [13, т. 4, с. 509]. Окончательный переезд происходит на волне революционного энтузиазма в конце лета 1905 г., о чем сообщается во второй главе воспоминаний о «Сигнале». После восстания на броненосце «Потемкин», свидетелем которого Чуковский оказался в Одессе¹, он был охвачен «непреодолимым стремлением примкнуть к общей борьбе». На этом эмоциональном подъеме ему «еще в июле, тотчас же после потемкинских дней, примерещился некий журнал, <...> который стихами и прозой стал бы громить ненавистных врагов» [13, т. 4, с. 543]. Ради этой священной цели он и прибыл в город на Неве. Автобиографический нарратив, связывающий начало столичной карьеры Чуковского с изданием антиправительственного сатирического журнала «Сигнал», подкре-

¹ Этим событиям посвящено мемуарное эссе «1905, июнь» (1959) [13, т. 4, с. 523–539].

пляется и впечатляющим рассказом о получении первого петербургского заработка «в конце августа 1905 года». Как следует из той же второй главы «Первый гонорар», автор, случайно пострадавший при разгоне демонстрации, сообщил об этом «повелителю репортеров “Биржевки”» А. Руманову, за что и был вознагражден своей первой «пятирублевкой» [13, т. 4, с. 543–544].

Мемуарный сюжет, предложенный Чуковским, лежит в основе разных биографических версий. Одна из них выдвигает на первый план мировоззренческую (революционно-демократическую) мотивацию его миграции из Одессы в Петербург [6, с. 8–9], вторая — прагматическо-проективную, согласно которой сатирический журнал «Сигнал» был «трамплином, который избрал Чуковский для старта в столичную журналистику» [5, с. 93–94]. Однако обе они обходят стороной факт пребывания Чуковского в Петербурге весной 1905 г., подтверждаемый его дневниковыми записями и письмами. Между тем эти «личные документы» неопровержимо доказывают, что погружение Чуковского в столичную жизнь фактически было не двух-, а трехэтапным. Хотя второй этап в мемуарах вообще не упоминается, согласно логике самого мемуариста, идея создания сатирического журнала пришла ему в голову только в июле, после восстания на броненосце «Потемкин». До этого он не думал о форме своего посильного участия в революционной борьбе. И действительно, в дневниковых заметках и письмах интересующего нас периода нет ни слова о журнале. Нельзя не прийти к выводу, что в очерке о «Сигнале» Чуковский-мемуарист по каким-то причинам умалчивает о своем втором визите в столицу, хотя именно тогда начинается его петербургская карьера. В это время он получает постоянную работу в еженедельнике «Театральная Россия», следовательно, и свои первые петербургские заработки, что, заметим, развеивает революционный ореол воспоминаний о первом гонораре. Тогда же, весной 1905-го, а не 1903 г., как представлено в мемуарном очерке, он познакомился с О.Н. Чюминой, А.И. Куприным и другими литераторами, будущими участниками «Сигнала», а с некоторыми из них и того позднее².

Правомерно задать вопрос: почему же Чуковский допускает лакуны и смещает события? Биографы, упоминающие о сотрудничестве молодого Чуковского в «Театральной России» весной 1905 г., не сопоставляют этот факт с воспоминаниями [11, с. 40–41; 8, с. 86–89].

² К примеру, в «Чукоккале» знакомство с Ф. Сологубом относится к осени 1905 г., когда Чуковский в качестве редактора «Сигнала» пришел просить стихов для журнала [14, с. 152–153].

А.В. Лавров, основательно изучивший историю «Сигнала» и материалы судебного дела его издателя, фиксирует время приезда, но не касается сотрудничества с «Театральной Россией». Корней Чуковский «объявился в Петербурге в марте 1905 года. Там он, опять же через Жаботинского, быстро влился в литературную среду — познакомился с Н.М. Минским, С.А. Венгеровым, Н.А. Тэффи, А.И. Куприным, близко сошелся с О. Дымовым и О.Н. Чюминой и, вдохновленный бурными событиями политической жизни, решил на рискованную авантюру — издание сатирического журнала» [7, с. 124–125]. При этом исследователь обращает внимание на то, что в мемуарном рассказе Чуковский не сообщает обо всех обстоятельствах своего бегства из Петербурга во избежание ареста — «то ли по забывчивости, то ли пренебрегая излишними деталями ради занимательности повествования» [7, с. 135]. Как мы видели, далеко не все сообщает мемуарист и об обстоятельствах своего вхождения в петербургский литературный мир.

Хотя Корней Иванович и в преклонные года отличался завидной памятью, все же забывчивость в первом случае могла иметь место, поскольку в ранних дневниках полностью отсутствуют записи, относящиеся к весне 1903 г. и осени 1905 г., т. е. не зафиксированы как раз те периоды, о которых рассказывается в мемуарном очерке. Показательна самокритичная оценка автора: «Писал собачью чушь — воспоминания о журнале “Сигнал” — туго, склерозно» [13, т. 13, с. 267]. Второй же случай, напротив, трудно объяснить забывчивостью: ведь дневниковые записи и письма сохранились. Более вероятным выглядит «пренебрежение излишними деталями», но какими именно и почему — не вполне понятно. Одной «занимательностью» или «художественной правдой» здесь не обойтись. Явно не этими мотивами руководствовались авторы научной статьи «Литературный путь Корнея Чуковского», написанной внучкой писателя Е.Ц. Чуковской совместно с Д.А. Берман, первым библиографом его работ. В их версии пропущен целый год: Чуковский, утверждают они, в 1905 г. вернулся из Англии и сразу переехал в Петербург, где начал редактировать сатирический журнал «Сигнал» [1, с. 7].

На фоне всех этих биографических нестыковок и неясностей попытаемся выяснить, что же фактически происходило весной 1905 г., но было по каким-то причинам опущено в воспоминаниях Чуковского.

Часть 2

В дневниковых записях и письмах Чуковского этого периода фигурируют названия двух петербургских журналов — «Еврейская жизнь» и «Театральная Россия».

Известно, что в первом из них еще в конце 1904 г. — «под патронажем Жаботинского», деятельного участника и идеолога журнала, — была опубликована статья Чуковского «Случайные заметки» [5, с. 85–93]. Из письма жене следует, что, приехав в Петербург в марте 1905 г., он предложил редакции еще одну рукопись, но и через месяц она не была напечатана [13, т. 14, с. 68]; дальнейшая ее судьба неизвестна. В целом же сюжет, связанный с «Еврейской жизнью», касается не литературной работы Чуковского, а его житейского аспекта. Он квартирует у Н.В. Сорина, издателя журнала, встречается с Жаботинским, через него завязывает новые литературные знакомства, попадает в качестве гостя в сионистские круги³. Учитывая все эти обстоятельства, так или иначе связанные с лидером сионизма, имя которого было под запретом в советское время, можно предположить, что они были не самым подходящим антуражем для воспоминаний о революционном «Сигнале». К тому же, строго говоря, «Еврейская жизнь» занимает в карьере Чуковского эпизодическое место, никаких дальнейших контактов с журналом не выявлено.

Совсем иначе обстоит дело с еженедельником «Театральная Россия», где с марта и вплоть до лета Чуковский становится чуть ли не самым активным сотрудником⁴. «Писал 4 дня подряд», — так начинается первая дневниковая запись, сделанная в Петербурге 16 марта [13, т. 11, с. 112]. Единственным источником доходов Чуковского в это время являются литературные гонорары, получаемые от И.М. Кнорозовского, редактора-издателя «Театральной России». Публикации Чуковского появляются почти в каждом номере, иногда сразу несколько. Среди них — рецензии на спектакли театра Коммиссаржевской, Нового, МХТ, об английском театре, о драматургии Горького, Шиллера, Ибсена, Метерлинка; тексты о Передвижном театре и «Провинциальные фельетоны» за подписью «*Кто бы ни был*»⁵, а также в рубрике

³ Ср. из письма жене: «Был Altalena... Ужин на славу. Потом поехали к одному богатому еврей-сионисту. Там было душ 100 сионистов. <...> Пели еврейские песни, пили, ели, очень уютно и хорошо. До 4-х час. ночи» [13, т. 14, с. 66].

⁴ Стоит уточнить, что «Театральная Россия» с конца 1904 г. и до середины 1905 г. выходила в виде двух журналов: «Театральная Россия. Театральная газета» и «Театральная Россия. Музыкальный мир». Начиная с № 32 журналы объединились под одной обложкой, на которой фигурировали все три названия. В библиографических описаниях и ссылках указывается только головное название издания, что создает определенную путаницу. Весной 1905 г. Чуковский печатался только в «Театральной России. Театральной газете».

⁵ Ярош К. «Я не люблю театра...»: Корней Чуковский о театре // Петербургский театальный журнал. 2015. № 3 (81). С. 184.

«Заметки читателя» — «О Леониде Андрееве», «Толстой и интеллигенция», «О Чеховском жизнечувствии»⁶. «Вот даю тебе слово: выходить из дому только в театр, в “Театральную Россию” и... на Николаевский вокзал. Только. Больше никуда», — обещает Чуковский жене [13, т. 14, с. 69]. Не остается сомнений, что именно этот журнал был стартовой площадкой для новичка, имеющего большие планы на будущее. «Больше ни одной зимы моя нога в Одессе не будет... Там околешь... Только здесь можно быть литератором» [13, т. 14, с. 66].

Интересно, что Вл. Жаботинский (Altalena) назван в числе новых сотрудников «Театральной России» в первом номере журнала за 1905 г. (1 января). Однако это включение носило, по-видимому, формальный характер, так же, как и в случае с Д.С. Мережковским: ни одной их публикации на страницах еженедельника не обнаружено. Более важную роль в журнале играл полузабытый сегодня критик-философ, фельетонист и писатель марксистской ориентации, Евгений Андреевич Соловьев (1867–1905) (псевдонимы — Андреевич, Скриба, Мирский и др.) [9], который в 1898–1904 гг. печатался в «Одесских новостях», а в 1904–1905 гг. был постоянным сотрудником «Театральной России». Можно предположить, что с его легкой руки в новом журнале⁷ сотрудничали одесситы, в том числе и Чуковский.

При всей скудости материалов и о самом Соловьеве, и о его отношениях с Чуковским, представляется важным восстановить этот сюжет хотя бы в общих чертах, привлекая новонайденные архивные источники. Прежде всего приведем два коротких письма Соловьева, по существу записки, отложившиеся в архиве Чуковского. Они говорят о том, что старший писатель сразу заметил талант молодого критика «Одесских новостей»⁸. Первое письмо не датировано, но по содержанию его можно отнести к декабрю 1902 г.

Многоуважаемый Корней Иванович,

Из Од<есских> Нов<остей> узнал я, что написали вы реферат о течениях в современной мысли. Если бы вам дать его для нашего сборника.

⁶ См. библиографию Д.А. Берман [1, с. 53–54]. К ней надо добавить публикации Чуковского под псевдонимами: *Nobody*. Станиславский и свобода творчества (Из бесед с К.С. Станиславским) // Театральная Россия. 1905. № 18. 30 апреля. С. 308–312; *Кто бы ни был*. Провинциальный фельетон // Театральная Россия. 1905. № 13. 26 марта. С. 225–226; № 16. 16 апреля. С. 284–285; Чуковский. Пионеры. Из Уота Уитмана (с английского) // Театральная Россия. 1905. № 16. 16 апреля. С. 274.

⁷ До этого вышел только один номер (Театральная Россия. 1904. № 1 (пробный). 11 декабря).

⁸ Оба письма хранятся в НИОР РГБ. Ф. 620. Карт. 71. Ед. хр. 18.

Тема для нас самая подходящая. Посрамлению буржуизма сочувствуем. Наш принцип — идея пролетария. Если да — сообщите условия гонорара (поскорее бы!) и высылайте.

Ваш Соловьев.

СПб Кавалергадская д. № 5 кв. 17

По-видимому, речь идет о докладе Чуковского, прочитанном в Литературно-артистическом обществе 12 декабря; он был опубликован под названием «К толкам об индивидуализме»⁹. О каком сборнике идет речь и посылал ли туда Чуковский статью, выяснить не удалось. Второе письмо — от 5 января 1903 г., без обращения к корреспонденту, представляет собой ответ на неизвестное письмо Чуковского, в котором он, судя по всему, просил опытного коллегу указать на недостатки своих статей.

Простите, что так долго не отвечал Вам. Все думал, какие такие недостатки указать Вам. Не вижу их. Единственный ваш недостаток — ваши 19 лет, единственная ваша обязанность — дорожить вашим талантом, беречь его, развивать его. Мне кажется вам бы следовало засесть за что-нибудь для журнала.

Ваш Соловьев

1903 5 / 1

Обращает на себя внимание, что возраст адресата Соловьев указывает неверно, на тот момент он был старше почти на два года. То ли Соловьеву запал в память облик Чуковского той поры, когда он вступил на путь газетной журналистики, то ли для него важна была сама идея цветущей и многообещающей молодости. Как бы там ни было, важно, что именно Соловьев настойчиво рекомендовал Чуковскому печататься в журналах.

В первый же месяц своего пребывания в Лондоне Чуковский получает письмо от Жаботинского, где среди прочего сообщалось: «Скриба в *Санкт-Петербурге*; говорил Хейфецу, что Вы самый талантливый человек в редакции, но одна беда — “врет много”» [5, с. 68–69]. Примерно через год Чуковский решается послать в «Весь» некрологическую заметку «Джордж Уотс», и, надо думать, прежние положительные оценки и наставления Соловьева-Андреевича сыграли в этом довольно дерзком проекте не последнюю роль. Положительный, хотя и прохладный ответ от Брюсова пришел 27 июля 1903 г. по новому стилю [13, т. 11, с. 78].

⁹ Одесские новости. 1902. 13, 14 декабря. См. также: [5, с. 24–30].

Поворот в реконструируемом сюжете происходит в начале 1905 г. Если до этого взаимоотношения между Соловьевым и Чуковским восстанавливаются только по отзывам первого о втором, то теперь ситуация меняется ровно наоборот. В конце января выходит в свет книга Соловьева-Андреевича «Опыт философии русской литературы», и уже 18 февраля Чуковский размышляет о ней в дневнике. И вот что характерно — эти размышления следуют сразу же за мыслью об отъезде: «С Эрмансом¹⁰ говорил о своем желании ехать в Питер. Послезавтра ответ. Читаю теперь философию литературы Евг. Соловьева. Ужасно поверхностно. Он говорит, что вся литература наша аболюционистская. <...> Главная ошибка: он национальный характер литературы выводит из классового» [13, т. 11, с. 111].

Дневниковые заметки легли в основу критической статьи «О г. Евг. Соловьеве»¹¹. Несмотря на то, что Чуковский воспринял в штыки основную мысль книги Андреевича о том, что философия русской литературы строится на идее классового освобождения, статья в большей степени хвалебная, чем «ругательная». Идеологический подход автора книги был иронически аттестован как «борьба партикулярной фуражки с кокардой» [13, т. 6, с. 340], но при этом его метод в целом признавался исключительно оригинальным: он «первым попробовал применить к явлениям литературы принципы экономического материализма». Всем многочисленным работам Соловьева давалась высокая оценка: они «блестящи, свежи, талантливы в каждом слове своим», хотя нередко «неуклюжи» по форме. Статья завершалась утверждением, оправдывающим отдельные промахи писателя: Соловьев-Андреевич «бесконечно любит родную литературу и умеет внушить эту любовь почитывающему читателю»; «любит литературу, как женщину», и эта любовь «свята и бескорыстна» [13, т. 6, с. 341–342].

Отправляясь в Петербург весной 1905 г., Чуковский явно надеялся на содействие Соловьева (откуда и ассоциативная взаимосвязь мысли об отъезде и размышлений о его новой книге). Имя Соловьева только дважды встречается в хронике событий: в письме жене сообщается, что «Евг. Соловьев пьянствует до невозможности» [13, т. 14, с. 66], а в дневнике отмечается, что писатель заходил к Чуковскому и, не застав его дома, оставил записку [13, т. 11, с. 113]. На этих редких упоминаниях стоит специально заострить внимание, имея в виду дальнейшее развитие сюжета. Приведем с этой же целью недатированное короткое письмо Е.Е. Соловьевой (супруги писателя, также

¹⁰ Речь идет об издателе «Одесских новостей».

¹¹ Одесские новости. 1905. 14 марта.

названной среди сотрудников редакции в упоминаемом выше объявлении). Это послание, сохранившееся в архиве Чуковского, и по содержанию, и по несколько игривому тону, который не поддается однозначной интерпретации, подтверждает, что весной 1905 г. общение молодого критика с Соловьевыми было достаточно близким:

Не соберетесь ли и вы* сегодня к Вознесенским? Проведем вместе час, другой... Поговорим о «весне», «зиме»...

Часам к 8 сойдемся у них.

Е. Соловьева

P.S. Захватите Од<есские> Нов<овсти> тот №, где Вы, Корн<ей> Ив<анович>, написали о Е.А-ой книге. Я заинтригована, как женщина и жена.

* Подразумевается молодая чета Чуковских¹².

Приглашение «четы Чуковских» дает возможность установить не только примерные даты этой встречи, но и уточнить время появления Чуковского в Петербурге, сместив его как минимум на начало марта, а может быть, и раньше. По крайней мере, к середине месяца он успел страшно соскучиться по семье: в первом письме к жене он умоляет ее приехать, подкрепляя свои мольбы финансовым доводом — наличием гонораров от издателя «Театральной России» («Здесь у меня каждую неделю — minimum 25 р. лишних есть»). Мария Борисовна была в Петербурге с 17 марта по 2 апреля, и эти две недели осчастливленный муж назвал лучшим временем своей жизни [13, т. 11, с. 112–113]. Тогда же могла произойти встреча с Соловьевыми у А.С. Вознесенского, сотрудника «Одесских новостей», который, как и Чуковский, подвизался в это время в «Театральной России». Уже после отъезда жены, Чуковский сообщает ей о том, что «Кнорозовский опять поссорился с Вознесенским. Он почти отказывается печатать его статьи. Возн<есенский> в нищете: отобедать не на что. Да и глупые же он вещи стал писать» [13, т. 14, с. 67]. Из чего следует, что репутация и положение самого Чуковского в «Театральной России» были более прочными.

Можно согласиться с мнением, согласно которому Чуковский уехал в Одессу в самом начале лета только затем, чтобы забрать оттуда семью и окончательно обосноваться в Петербурге [8, с. 89]¹³. Но,

¹² НИОР РГБ. Ф. 620. Карт. 71. Ед. хр. 19.

¹³ Во втором письме жене Чуковский, тоскуя, пишет: «Эх, как я мечтаю об этом свистке, когда я сяду в вагон, поезд свистнет и каждый взмах колеса потянет меня к тебе». И там же: «Будут деньги, чуть только мы переедем в Питер, устроимся здесь — лучше, удобнее, самостоятельнее» [13, т. 14, с. 69–70].

как мы знаем, вышло все иначе. Сначала — восстание на броненосце «Потемкин»; затем — суровое безденежье, из-за которого жена Чуковского, вероятно, была против переезда (см. запись в дневнике от 8 августа 1905 г., указывающую на семейный конфликт: «Эх, деньги, деньги! Ей бы полечиться, а я в Петербург хотел. Нет уж, дудки-с! С суконным рылом в калашный ряд!» [13, т. 11, с. 119]). Обращает на себя внимание, что и летом Чуковский не порывает с «Театральной Россией». Публикаций становится значительно меньше, но все же в двух номерах, №№ 27 и 28 (2 и 9 июля), выходит его статья «О Чеховском жизненчувствии», с указанием «Продолжение следует»; а первый из двух номеров открывался стихотворением «Памяти Чехова» за подписью К. Ч. В конце августа, если верить воспоминаниям о «Сигнале», Чуковский уже опять в Петербурге.

Именно в этот период история его отношений с Евг. Соловьевым подходит к завершению. 25 августа писатель скоропостижно скончался. 30 числа в «Одесских новостях» Чуковский публикует статью «Памяти Евгения Соловьева», а 10 сентября перепечатывает ее в «Театральной России» (№ 37), значительно сократив и переработав текст. В двух вариантах некролога общей была итоговая оценка творчества покойного, определение его места и значения в русской литературе. «Это был настоящий, подлинный русский писатель нашего проклятого времени, когда... когда быть русским писателем так тяжело, так больно и порою так стыдно» [13, т. 6, с. 364]. Трагедия Соловьева, ускорившая его смерть, заключалась, по Чуковскому, в том, что он «на пятаки разменял могучий талант»: «...как собрать, как связать воедино все это пестрое, разнообразное, многоцветное наследие, рассыпанное небрежной рукой нерасчетливого, мотающего таланта?.. Он убил самого себя, убил свой талант, размыкал его по пустякам. Он пил. Этот светлый, горячий, сверкающий умом и талантом человек должен был уходить от себя, от окружающего в мутный угар пьянства» [13, т. 6, с. 365–366]. Тем не менее инвариантной мыслью обеих статей было признание оригинальности идей и методов покойного критика-философа, которые, как с горечью отмечал Чуковский, быстро вошли в общественную мысль, стали общим местом в то время, как новаторство Соловьева было прочно забыто. Чуковский же настаивал на необходимости увидеть за многообразными, часто по случайному поводу написанными работами Соловьева неповторимую личность талантливого писателя и критика: «...все, о чем он ни писал, приводил в систему, к одному исходному пункту своего мирозерцания, во всем находил гармонию, единство, цельность» [13, т. 6, с. 367–368].

Отличия же двух вариантов статьи заключаются в том, что некролог в «Одесских новостях» содержит больше личных воспоминаний, он более эмоционален по тону, заданному уже первым предложением: «В последний раз я был у него этой весной на даче в Шувалове» [13, т. 6, с. 364]. Особенно важно, что в этой редакции была заключительная главка (впоследствии снятая), где Чуковский признавался в том, что он «оплакивает покойника не только как читатель», что лично он «потерял в нем друга, наставника, руководителя». Именно в этой части раскрывалось настоящее значение Соловьева в литературной судьбе автора некролога. Показывая «чуткое, сердечное отношение к маленьким газетным работникам», Чуковский цитировал адресованные ему письма Соловьева (в том числе и те, которые приведены выше); говорил о его «наивных прожектах» устроить «младших своих собратьев» по литературе в столичных изданиях. Не вызывает сомнений и автобиографический подтекст финального признания: «И много новичков-литераторов будут вспоминать со слезами дорогую тень мученика, страдальца, страстотерпца русской литературы, русской жизни — Евгения Соловьева, который приютил, облегчил, приласкал их на их тяжелом, беспросветном пути...» [13, т. 6, с. 369].

Статья же для «Театральной России» акцентировала внимание на проблеме недооцененного таланта, ставшего жертвой общества. В самое начало была выдвинута фраза, которая в первой публикации находилась в середине текста: «Весь ужас в том, что русский читатель так-таки совсем не знает, кого он потерял в Соловьеве»¹⁴. Из личных воспоминаний во второй редакции осталось два. Одно из них связано с неизлечимой болезнью Соловьева: «В последнее мое свидание с ним он, улучив минуту, когда домашние вышли, нагнулся к моему уху и сказал таинственным шепотом: — Как хорошо опьянение гашишем... Его от меня отобрали. Не знаете, как достать? Спирт на меня уже не действует». Другое повествовало о замыслах писателя создать обширный труд «История пролетариата», заказанный Горьким, талант которого Соловьев-Андреевич первым «открыл» и «боготворил»¹⁵. Именно эта статья Чуковского, несмотря на ее более объективный тон, спровоцировала первый скандал на его литературном пути, о котором до сих пор ничего не было известно.

¹⁴ Театральная Россия. 1905. № 37. С. 1111.

¹⁵ Там же. С. 1111–1112.

Часть 3

Неожиданной развязкой сюжета о Соловьеве и Чуковском стало «Открытое письмо г-ну Чуковскому», направленное вдовой писателя в редакцию «Театральной России». Этот любопытный документ отложился в фонде журнала вместе с ответом Чуковского. Е.Е. Соловьева выступила с протестом против статьи «Памяти Евгения Соловьева», написанной, по ее выражению, «с апломбом близко знакомого человека». В то время как «...*решительно все*, что передает Чуковский, никогда не пользуется доверием среди знакомых». Теперь, когда провинциальный журналист «выступил с своими сообщениями перед большой публикой, — нужно остановить его». Таким образом, все обвинения были нацелены на разрушение литературной репутации критика в самом начале его столичной карьеры.

Е.Е. Соловьева назвала вымышленными все биографические факты, приводимые в статье Чуковского. Она утверждала, что не было ни частых встреч, ни тем более переданного разговора (подразумевалось — о гашише). Никогда покойный не посвящал Чуковского «в планы своих работ, корректуры, в скорбный лист своей болезни». Еще два обвинения были связаны с тем, что Чуковский, в силу своей неосведомленности, преувеличил степень «поденной» занятости писателя и исказил представление о его «больших работах». Но чего можно ждать от необразованного выскочки, ни одному слову которого нельзя верить, — таков, как видится, откровенно оскорбительный подтекст всего письма и особенно его ультимативного финала: «... прошу Г. Чуковского одной деликатности — *никогда не касаться* своими плохо осязающими руками Евгения Андреевича как человека».

На общем негативном фоне выделяется, однако, один фрагмент, который, вопреки намерениям Соловьевой, убеждает в правдивости мемуарных фрагментов статьи Чуковского. Объясняя характер отношений между провинциальным журналистом и Соловьевым-Андреевичем, она сообщала: «Е. А. любил находить способности в молодых начинающих писателях и заметил Чуковского еще в “Од<есских> Нов<остях>”, написал о своем впечатлении в Одессу, предлагал Чуковскому разного вида литературные работы, рекомендовал его в “Театр<альную> Россию” и все это делал от души, горячо, с верою в молодые силы». Содержание этого абзаца полностью соответствует последней, автобиографической части некролога из «Одесских новостей», которой нет в журнальном варианте, опротестованном вдовой. Следовательно, характеризуя Евг. Соловьева как заботливого наставника юных талантов, его вдова верифицирует достоверность мемуарной части некролога Чуковского. Для нас же приведенный

пассаж имеет особую ценность: он не оставляет никаких сомнений в том, что именно Соловьев-Андреевич протезировал Чуковскому весной 1905 г., рекомендуя его в столичные издания, в частности, в журнал «Театральная Россия».

Из письма Соловьевой, таким образом, можно извлечь полезную во многих отношениях информацию. Во-первых, оно прямо указывает на то, какую важную роль сыграл Соловьев в самом начале петербургской карьеры Чуковского. Во-вторых, оно впервые высказывает и даже как будто прогнозирует будущие упреки в адрес молодого критика, с шумом начавшего свое восхождение на столичный литературный олимп. Даже спустя пять лет, когда Чуковский станет одним из самых популярных, самых острых и злоязычных критиков-фельетонистов, Дмитрий Философов точно сформулирует общее мнение: «У Вас нет традиций. Мир начался вместе с Вами. Существует он лишь поскольку Вы им овладели, покорили его себе “под ножи”. У Вас нет даже “интеллигентских” традиций. Вы “конквистадор”. И этого Вам <...> никогда не простят» [12, с. 431].

Но это будет позже. С сегодняшней же точки зрения статья «Памяти Евгения Соловьева», при всей ее полемичности по отношению к современникам, недооценившим талант покойного писателя, выглядит на удивление бесконфликтной. В ней сняты прежние иронические оценки классово-освободительной концепции литературы, подчеркнуто позитивное значение социологического подхода Соловьева к литературе как продукту и в то же время индикатору массового общественного сознания. В целом она выдержана в уважительно-сочувственном тоне, который, прямо скажем, будет исключительно редко звучать в дальнейших работах критика. Поэтому открытое письмо явилось для Чуковского совершенной неожиданностью и было воспринято как удар из-за угла, о чем свидетельствует нервный стиль чернового наброска «Ответа г-же Соловьевой». «Обвиняемый» начинает отвечать на пустых оборотах письма вдовы, пишет то по горизонтали, то по вертикали, постоянно правит текст, но в конце концов решительно его перечеркивает. На двух отдельных листах появляется беловой вариант, который публикуется ниже. Он отличается смягчением резких оборотов, выстроенной композицией, а также исключением некоторых деталей.

Например, в черновике ответ начинался так: «Я очень уважаю память покойного Соловьева, но на [статью] письмо [Евг] его вдовы г-жи Соловьевой смотрю как на [сознательное] преднамеренное оскорбление». В беловике иначе: «Я слишком уважаю траур г-жи Соловьевой, чтобы отвечать ей в том же тоне, в каком написано ее пись-

мо. Я постараюсь совершенно игнорировать этот тон — и отвечать так, как если бы предо мною были серьезные и веские обвинения».

Первоначально Чуковский «опровергал письмо по пунктам», в том порядке, в каком следовали предъявленные ему обвинения. Но в окончательном варианте выстроил самооборону иначе, перекроив композицию в целях достижения максимальной полемической убедительности. Начал с защиты своей писательской репутации, выявив логические противоречия в аргументации вдовы. Затем привел доказательства того, что часто общался с Соловьевым при свидетелях, в том числе и по литературным делам. После этого употребил фигуру деликатного умолчания обо всех известных ему деталях болезни писателя. В черновике приводится немало подробностей, но в беловом варианте остался только многозначительный намек: «Много бы я еще кое-чего мог сказать г-же Соловьевой... Но, согласитесь, что больно и тяжело вести мелочную полемику над свежей могилой дорогого покойника». И, наконец, нанес сокрушительный удар противнику, раскрыв психологические мотивы нападения («Г-же Соловьевой было неприятно, что я коснулся болезни ее мужа»), а в заключение — в качестве мощной коды — сформулировал положение о необходимости правдивых воспоминаний, важных для истории литературы («для памяти Евгения Соловьева было бы гораздо оскорбительнее замалчивание некоторых сторон его жизни, что правдивее и честнее признание всех его качеств»).

Последний вывод, казалось бы, верный по существу, практически недостижим в мемуарных и автобиографических жанрах, даже если интенция их авторов определяется установкой на «правду». Самые правдоподобные повествования оказываются выстроенным сюжетом, где эмпирические факты переосмысляются и режиссируются сознанием автора, который всегда знает о себе самом гораздо больше, чем говорит. Поэтому императив правдивости воспоминаний, ставший высшей точкой в риторике оправдательного ответа г-же Соловьевой, выглядит несколько декларативно, если иметь в виду не только умолчания позднего Чуковского-мемуариста, но и его раннюю установку на «переформатирование» собственной биографии, начиная с полной замены имени, социального статуса и т. д.¹⁶ В свя-

¹⁶ Наверное, не случайно Чуковский вскользь упоминает в письме жене в марте 1905 г.: «...у меня с моим паспортом неприятности» [13, т. 14, с. 66]; см. также заявление Чуковского, отправленное в Главное управление по делам печати накануне выхода в свет первого номера «Сигнала» 12 ноября 1905 г., написанное от имени «сына одесского купца Николая Васильевича Корней-Чуковского» [7, с. 125, 130].

зи с чем обратим внимание на один любопытный факт, по-разному представленный в черновых набросках и в итоговом тексте. Чтобы доказать, что он был у Евг. Соловьева не два раза, как утверждала вдова, Чуковский в первом случае сообщает, что был «раз 15–20», а во втором — «30 по меньшей мере». Но главное даже не это. А то, что называя свидетелей этих посещений, он упоминает Н.В. Сорина, который в черновике представлен сначала как «издатель Еврейской Жизни», но тут же исправлен на «сотрудника Биржевых Ведомостей». В беловике же специально подчеркивается название газеты и вносится значимое уточнение: «сотрудник *“Биржевых Ведомостей”* Н.В. Сорин (с ним бывал у Е. А. по одному общему делу раз десять)». Имеется в виду, несомненно, издатель «Еврейской жизни», об участии которого в названной газете нет никаких сведений. Трудно сказать, по каким мотивам Чуковский решил «подправить» информацию о Сорине, но на основании оговорки можно высказать предположение о наличии каких-то неизвестных нам деловых отношений между Соловьевым-Андреевичем, Соринным и Чуковским. Иными словами, намеченные выше сюжетные линии, связанные с «Еврейской Жизнью» и «Театральной Россией», оказываются переплетенными намного теснее, чем это представлялось ранее.

Эпистолярный диалог, имеющий осязаемый скандальный привкус, судя по всему, планировался к печати (не случайно он сохранился в редакционном портфеле), но на страницы журнала так и не попал. Не исключено, что ответ Чуковского убедил редакцию в несправедливости обвинений Соловьевой, и казус решили замять. Известно, однако, что Чуковский не печатался в «Театральной России» в течение месяца после статьи о Евг. Соловьеве, когда и могло происходить разбирательство по поводу открытого письма. Но затем появилась еще одна публикация, на этот раз последняя: в № 41 (от 8 октября) была напечатана басня Томаса Мура «Огнегасители» в переводе Чуковского с его же вступительной статьей «Томас Мур как сатирический поэт», которая заканчивалась обещанием «Продолжение следует». Но читатели его не дождались, замечает по этому поводу первый биограф Корнея Ивановича, и «причины совершенно понятны: Чуковский начал готовить выпуск собственного журнала, для которого он и приберег эти переводы» [11, с. 40]. Следует все же уточнить, что читателям пришлось не очень долго томиться. Журнал в скором времени прекратил существование: последний номер «Театральной России» (№ 44/45) вышел 29 октября. Вместе с тем мотив конкурентности, на который прозрачно намекает М. Петровский, довольно любопытен, как и его беглое замечание о том, что три сотруд-

ника «Театральной России» в ноябре 1905 г. стали редакторами-издателями сатирических журналов: И.М. Кнорозовский начал выпускать «Стрелы», Н.Г. Шебуев — «Пулемет», К.И. Чуковский — «Сигнал». Насколько нам известно, это единственная биографическая версия (появившаяся при жизни Чуковского и ему, скорее всего, знакомая), где обозначена прямая связь между «Театральной Россией» и «Сигналом». Исследователь объясняет ее самым историческим моментом, революционным временем, которое потребовало, чтобы те демократические идеи и взгляды, которые Чуковский-критик развивал в своих театральных рецензиях, теперь были высказаны в более действенной форме политической сатиры. Ради сохранения непрерывности своей литературной работы Чуковскому надо было «переменить точку ее приложения». Такой новой точкой и стал сатирический журнал [11, с. 40–41].

К этой стройной интерпретации позволим себе добавить только один важный момент. «Стрелы», «журнал саркастический, бесстрашный и беспощадный», вышел 30 октября 1905 г., опередив «Пулемет» и «Сигнал» на две недели: первые номера журналов Шебуева и Чуковского появились 13 ноября [7, с. 124]. Лидерство Кнорозовского было далеко не случайным. С начала 1905 г. он издавал приложение к «Театральной России» под тем же названием «Стрелы», которое позиционировалось в рекламных проспектах как юмористически-сатирический журнал (карикатуры, шаржи, фельетоны, анекдоты, шутки и пр.) с театрально-музыкальной тематикой. После обнародования манифеста 17 октября журнал стал «органом смеха и обличения» и перекалифицировался на политическую сатиру. Чуковскому «Стрелы» были прекрасно известны еще весной 1905 г. В конце мая он опубликовал там три пародии на К. Бальмонта под псевдонимом Чу-Ко¹⁷. Этот факт, не отмеченный в библиографии Чуковского, вносит определенные коррективы в его воспоминания о «Сигнале», а именно в утверждение, что в июле, после кровавого разгрома восстания на броненосце «Потемкин», у него появилась мысль об издании сатирического журнала, вроде «Искры» Василия Курочкина [13, т. 4, с. 543]. Нетрудно убедиться, что образцом для него послужил не только журнал Курочкина, но и «Стрелы», сатирическое приложение к «Театральной России» Кнорозовского.

Итак, вернемся к вопросу о том, почему Чуковский в мемуарах, посвященных началу петербургского этапа его литературной карьеры, «забыл» о событиях весны 1905 г. и начал с осени, непосредствен-

¹⁷ Чу-Ко. Чего хочет К.Д. Бальмонт (пародия) // Стрелы. Прил. к № 22 журн. «Театральная Россия». 1905. № 3. С. 8.

но с издания журнала антиправительственной направленности. Как выяснилось, причин для «забвения» было не так уж мало. Прежде всего, в советское время нельзя было упоминать ни Жаботинского, ни журнал «Еврейская жизнь», ни вообще все сионистское окружение Чуковского в Петербурге в этот период. Далее, нежелательно было вспоминать о близких отношениях с «неправильным» марксистом Е.А. Соловьевым-Андреевичем. Тут была двойная проблема. Во-первых, в рецензии на «Опыт философии русской литературы» Чуковский позволил себе высмеять классовый подход к литературе, который в дальнейшем, как известно, стал господствующим в отечественном литературоведении. Во-вторых, в некрологической статье он убежденно доказывал оригинальность Соловьева, первым применившего «великую доктрину» экономического материализма к истории русской литературы, «если не считать Бельтова, которому он во многом следовал», замечает в скобках Чуковский в первом варианте некролога [13, т. 6, с. 368], во втором это уточнение исчезло. В советское же время марксизм Соловьева оценивался как поверхностный, этого автора критиковали за то, что в его трудах отсутствовала обусловленность искусства и творческой психики художника классовой борьбой [9, с. 28]. Затем, сюжет с Соловьевым-Андреевичем, рекомендовавшим Чуковского в «Театральную Россию», неизбежно тянул за собой скандальное письмо его вдовы, стремившейся подорвать литературную репутацию молодого критика. Этот эпизод был словно бы вычеркнут из памяти Чуковского: писатель ни разу не вспоминал о нем ни публично, ни в дневниковых записях. Психологический механизм вытеснения «скверного анекдота» был еще одним резонансом «забыть» о болезненном казусе, до сих пор не привлекавшем внимания исследователей творческой биографии писателя. Наконец, явно ни к чему было афишировать взаимосвязь «Сигнала» со «Стрелами», сатирическим приложением к «Театральной России». Это привело бы к разрушению автобиографического мифа Чуковского о революционно-демократическом воодушевлении, сподвигнувшем его на первые самостоятельные шаги в большой литературе — мифа, ориентированного на советского читателя с оглядкой на советскую же цензуру.

Приведенные доводы, конечно, не претендуют на исчерпывающее объяснение и даже перечисление всех интенций, которыми руководствовался Чуковский при создании автобиографических произведений. Тот императив правдивости автора воспоминаний, не боящегося сомнительных или теневых сторон жизни, который с пафосом сформулировал молодой критик в «Ответе г-же Соловьевой», как мы

знаем, не всегда соблюдался Чуковским-мемуаристом. О себе самом он предпочитал повествовать с большой долей осторожности, иногда намеренно запутывая следы, смещая даты и события, создавая «художественно правдивые» и увлекательные для читателя версии собственной биографии. Справедливо было замечено, что «любая автобиография человека, успевшего хоть кем-то стать до революции, писалась не столько, чтобы что-нибудь рассказать о своей прежней жизни, сколько для того, чтобы скрыть “родимые пятна прошлого”» [5, с. 18]. Все выявленные причины умолчания о весне 1905 г. в поздних воспоминаниях о «Сигнале» вполне подпадают под категорию таких «пятен».

Для Чуковского 1950–1960 гг. история издания сатирического журнала и пережитых в связи с этим судебных мытарств — «правильная» история, написанная «в ореоле жанра идеологической невинности» (по выражению М. Петровского). По сути же это был единственный политический эпизод в литературной карьере писателя, принципиально обходившего стороной чисто идеологическую проблематику. Разумеется, освещавшийся в прессе судебный процесс, имевший ярко выраженную политическую окраску, «в ускоренном порядке» создал Чуковскому репутацию литератора, пострадавшего от царского режима. В столичных литературных кругах его имя стало известным главным образом благодаря этому инциденту. Но характерно, что уже во второй половине января 1906 г. Чуковский сообщал жене: «Сатирический журнал издавать в Петербурге теперь невозможно, и я проэктирую преобразовать “Сигналы” в чисто литературный журнал с легким оттенком сатиры. Да ну их к дьяволу — эти “Сигналы” — не пиши мне о них ничего» [13, т. 14, с. 78]. Еще более показательно, что Чуковский тут же упоминает о знакомстве с Брюсовым, пригласившим его к постоянному сотрудничеству в журнале «Весы». После «Одесских новостей» и «Театральной России» начинался новый — «весовский» — этап в литературной карьере молодого критика [4]. Появился новый наставник и учитель, Валерий Брюсов, о характере взаимоотношений с которым лучше всего говорит сохранившаяся переписка [10]. Элитарные «Весы», разумеется, не были единственным изданием, в котором печатался Чуковский в то время; ему приходилось заниматься газетной поденщиной, чтобы прокормить семью. Но симптоматично, что его сотрудничество с «Одесскими новостями» и «Театральной Россией» закончилось одновременно (последние публикации датируются соответственно 7 и 8 октября 1905 г.). А следующие три статьи после «Сигнала» опубликованы уже в «Весах» [1, с. 54], причем первая из них, «Циферблат г. Бельтова»,

ядовито высмеивала тот самый марксистский подход к литературе, который признавался оригинальным в некрологической статье о Евг. Соловьеве. Общим был и образ, подчеркивающий механицизм классового подхода к конструированию истории литературы: у Соловьева-Андреевича такой подход сравнивался со стрелками на часах, а у Бельтова (Плеханова) — с циферблатом и «марксометром».

Приложения

Публикуемые письма хранятся в Отделе рукописей РНБ, фонд «Театральная Россия», № 24. «Открытое письмо» Е.Е. Соловьевой написано на пяти листах, заполнены только нечетные страницы. Черновик Чуковского выглядит таким образом: на незаполненных листах 4 об. — 5 об. письма вдовы — ответ по второму пункту — «2)»; на листе 3 об. — по четвертому — «4)», текст написан по вертикали страницы. Черновой вариант, содержащий обильную промежуточную правку, несколько раз окончательно перечеркнут. Беловой вариант написан на двух больших листах разного формата: на листе 6 обозначен пункт первый: «1)», на листе 7 — пункт третий: «3)», хотя текст носит явно законченный характер и подписан: «Корней Чуковский». Почерк и междустрочный интервал на этих листах заметно отличаются: на первом из них заполнена нижняя половина листа, почерк вольный, размашистый; на втором — верхняя половина, почерк мелкий, убористый, строчки тесные. Правка в беловике минимальна.

Письма печатаются в современной орфографии.

1.

Открытое письмо Г-ну Чуковскому

В статье «Памяти Е.А. Соловьева (Театр <альная> Рос<сия> №) ¹ Г. Чуковский с апломбом близко знакомого человека приводит черты из жизни покойного, его разговор с г. Чуковским и пр. подробности.

С величайшею неприятностью для себя приступаю к этому письму, т. к. г. Чуковский не заслуживает опровержения: решительно все, что передает Чуковский, никогда не пользуется доверием среди знакомых.

Но на этот раз Чуковский выступил с своими сообщениями перед большой публикой, — нужно остановить его.

Во-первых, напоминаю Г. Чуковскому, что он был у Е.А. всего два раза, а этого весьма недостаточно, чтобы приобрести так близко

знакомому человека. При этих визитах я присутствовала все время и могу удостоверить, что Е.А. такого разговора, какой приведен в газете, не только не вел, но и не мог вести.

Я удивляюсь, что Г. Чуковский забыл, что Е.А., признавая его способности, советовал ему учиться и как можно более учиться, т. к. выступать с критическими статьями только с гимназической скамьей за спиной, немного рискованно. Давал совет *читать книги до конца* и потом писать об них рецензии (Пусть Г. Чуковский найдет у себя письмо Е.А. на эту тему).

Е.А. любил находить способности в молодых начинающих писателях и заметил Чуковского еще в «Од<есских> Нов<остях>», написал о своем впечатлении в Одессу, предлагал Чуковскому разного вида литературные работы, рекомендовал его в «Театр<альную> Россию» и все это делал от души, горячо, с верою в молодые силы.

Во-вторых, в планы своих работ, корректуры, в скорбный лист своей болезни Е. А. его не посвящал, поэтому все штрихи в этой сфере вымышлены.

В-третьих — для полноты сведений Г-н Чуковский навязывает Е.А. роли, которых он никогда не брал на себя, как напри<мер> ...Обзор художественных выставок, подбор иллюстраций (справьтесь в журналах) и писание предисловий к чужим книгам...

Г-н Чуковский, видно, совсем не знает, что Е.А. ушел от «построчной» работы в периодических изданиях и посвятил себя большим трудам, из которых вышли в свет «Опыт философии русской литературы»², «Лев Толстой»³, «Биография Герцена»⁴ (и много работал над «Философией пролетариата»⁵, оставив по этому вопросу массу рукописей).

А Чуковский нанес свой визит Е.А. именно в такой период сосредоточенной работы...

И теперь прошу Г. Чуковского одной деликатности — никогда не касаться своими плохо осязующими руками Евгения Андреевича, как человека.

Есть люди, которые сумели узнать его, и они оставят образ его будущемуб.

Жена Евгения Андреевича Соловьева. Е. Соловьева

Комментарии

¹ Чуковский К. Памяти Евгения Соловьева // Театральная Россия. 1905. № 37. 10 сентября. С. 1111–1113.

² *Андреевич* [Соловьев Е.А.]. Опыт философии русской литературы. СПб.: Знание, 1905. 536 с.

³ Соловьев Е.А. Л.Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность: биогр. очерк. СПб.: «Банк. скоропеч.» инж. И.Г. Гершуна, 1894. 160 с.

⁴ Впервые под псевдонимом — В.Д. Смирнов: [Соловьев Е.А.] Жизнь и деятельность А.И. Герцена в России и за границей: биогр. наброски В.Д. Смирнова. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. 160 с.; [Соловьев Е.А.] А.И. Герцен, его жизнь и литературная деятельность: биогр. очерк В.Д. Смирнова. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1898. 160 с.

⁵ Упрек Е.Е. Соловьевой не обоснован: в первом издании некрологической статьи в «Одесских новостях» Чуковский привел слова писателя об этом замысле в начале первой главки [13, т. 6, с. 364]. Во втором издании более расширенный вариант фрагмента дается в начале третьей части: «За несколько месяцев до смерти затеял он обширный труд “историю пролетариата” — Вот это, батенька, будет книга... Все, что я писал до сих пор — дрянь, чепуха, детские игрушки... Плюньте, плюньте на все это... Писать об изящной литературе теперь, в наше время, можно только для институток — да и те читать не хотят... Книга эта была заказана Максимом Горьким для книгоиздательства “Знание”» (Театральная Россия. 1905. № 37. 10 сентября. С. 1112). См. посмертное издание: Соловьев (Андреевич) Е. Рабочие люди и новые идеи. [(Последние труды)]. СПб.: Тип. Монтвида, 1906. 201 с.

⁶ После этого абзаца две строчки густо заштрихованы.

2.

Ответ г-же Соловьевой

1) Я слишком уважаю траур г-жи Соловьевой, чтобы отвечать ей в том же тоне, в каком написано ее письмо. Я постараюсь совершенно игнорировать этот тон — и отвечать так, как если бы предо мною были серьезные и веские обвинения.

Итак, г-жа Соловьева пишет, что Чуковский не знал о больших трудах Е. Соловьева, о «Философии Русской Литературы» и о «Философии пролетариата». Но как же Чуковский мог не знать о них, если о первой книге он написал подробную статью¹, а о второй много писал в своих воспоминаниях.

3) Как же это в самом деле? С одной стороны, г-жа Соловьева утверждает, будто ее покойный муж находил, что мне выступать с критическими статьями только с гимназической скамьей за спиной — немало рискованно». А с другой стороны, «предлагал мне разного рода литературные работы»; рекомендовал в различные издания и т. д. Из

этих двух положений справедливо может быть только одно. Какое — пусть решает читатель.

Дальше. Г-жа Соловьева заявляет, что я был у Евгения Андреевича всего два раза. Здесь уж совсем какое-то недоразумение. Во-первых, это совершенно не относится к делу; во-вторых, Евгений Андреевич гораздо чаще бывал у меня, чем я у него. В-третьих, я у Евгения Андреевича был 30 <раз> по меньшей мере. У меня даже есть свидетели моих посещений. Всех я, конечно, вспомнить не могу, но вот первые, кто приходит мне в память: А.М. Федоров²; И.С. Рукавишников³; сотрудник «Биржевых Ведомостей» Н.В. Сорин⁴ (с ним бывал у Е.А. по одному общему делу раз десять); супруга г-на Сорина; А.С. Вознесенский⁵ (коллега Е.А. по «Од<есским> Нов<остям>» и т. д. и т. д. Знал бы я, конечно, ни разу не приходил к ним без свидетелей; но теперь мне с прискорбием приходится констатировать, что раз 6–7 я приходил к ним один.

Много бы я еще кое-чего мог сказать г-же Соловьевой... Но, согласитесь, что больно и тяжело вести мелочную полемику над свежей могилой дорогого покойника.

Спрашивается, зачем же г-жа Соловьева предприняла эту полемику? Какой у нее был мотив — опровергать то, что довольно верно и справедливо.

Логического мотива не было никакого, но психологический, — я думаю, был такой: Г-же Соловьевой было неприятно, что я коснулся болезни ее мужа. Неужели это было не деликатно? Думаю, что нет. Спрашиваю опытных литературных людей, говорят: « — Нет, напротив. Вы сделали это со всевозможным тактом и уважением к памяти покойного». Вспоминаю свое [благое] чувство к светлomu образу почившего. Мне кажется, что для памяти Евгения Соловьева было бы гораздо оскорбительнее замалчивание некоторых сторон его жизни, что правдивее и честнее признание всех его качеств. Память Евгения Соловьева не нуждается в утаивании, в нарочитом подчеркивании теневых сторон. Кто уважает его, тот уважает его всего, целиком, таким, каким он был на самом деле, а не таким, каким хотят его выставить его неумелые панегиристы... Как эти люди не понимают, что их стремления только унижают, только оскорбляют дорогое имя почившего...

Корней Чуковский

Комментарии

¹ См. «Одесск<ие> Новости» 14 апреля с. г. (примечание Чуковского. — С. Ф.). Месяц указан неточно, вероятно, из-за волнения: рецензия вышла 14 марта 1905 г. в рубрике «Заметки читателя» под названием «О г. Евг. Соловьеве».

² Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — поэт, переводчик. Чуковский был хорошо знаком с поэтом по Одессе; посвятил ему статью «Об одном принципе художественного творчества» (Одесские новости. 1903. 26 февраля) [13, т. 6, с. 291–304], а также поздние воспоминания «Две королевы», откуда узнаем, что впервые Чуковский приехал в Петербург в 1903 г. с Федоровым [13, т. 4, с. 509–522].

³ Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) — поэт, прозаик, драматург. Чуковский часто упоминал поэта в своих статьях. Ср., например, показательную оценку творчества поэта в контексте рассуждений 1906 г. о том, что «революция всегда, везде и во всем вредна литературе» [13, т. 6, с. 401].

⁴ Николай (Иекусиель) Вениаминович Сорин (1879–1945) — редактор-издатель журнала «Еврейская жизнь», помощник присяжного поверенного. Сотрудничал с различными газетами («Речь», «Право», «Рассвет»). Данными о его работе в «Биржевых ведомостях» мы не располагаем. Судя по адресным книгам Санкт-Петербурга, в 1905 г. проживал на 3-й Рождественской улице, 5, недалеко от Николаевского вокзала [2, с. 608]. Ср. в черновике ответа г-же Соловьевой Чуковский пишет: «...покойный писатель частенько бывал у меня. Он приходил ко мне в Пале-Рояль — и бывало каждый день, идучи на Николаевский Вокзал, заходил ко мне» (л. 5 об.). Однако из писем жене следует, что Чуковский снимал комнату у Сориных [13, т. 14, с. 65–66, 70], а не в «Пале-Рояле» (большом доме меблированных квартир на ул. Пушкинской, 20 а), который также располагался недалеко от Николаевского (современного Московского) вокзала.

⁵ Александр Сергеевич Вознесенский (настоящая фамилия Бродский) (1880–1939) — журналист, сотрудник «Одесских новостей» и «Театральной России», с которым Чуковский тесно общался в Одессе и Петербурге (см. вступительную статью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берман Д.А.* Корней Иванович Чуковский. Биобиблиогр. указ. М.: Рус. библиогр. о-во; Восточ. лит., 1999. 467 с. Весь Петербург на 1905 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1905. [Отд.] 3: Алф. указ. жителей г. С.-Петербурга. 766 с.
2. *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
3. *Иванова Е.В.* Журнал «Весы» в биографии Чуковского // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 143–148.
4. *Иванова Е.В.* Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 272 с.
5. *Карлова Т.С.* К. Чуковский — журналист и литературный критик. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 144 с.
6. *Лавров А.В.* Как Корней Чуковский не стал политическим заключенным (материалы к истории журнала «Сигнал») // Русская литература. 2016. № 2. С. 124–140.
7. *Лукьянова И.В.* Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2006. 992 с.
8. *Михайлова М.В.* Забытое имя: Евгений Соловьев-Андреевич (1867–1905). У истоков марксистской литературной теории // Е.А. Соловьев (Андреевич). Опыт философии русской литературы. Избранные труды. М.: Модест Колеров, 2020. С. 7–30.
9. Переписка К.И. Чуковского и В.Я. Брюсова / вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст-2008: ист.-лит. и теорет. исслед. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 275–405.
10. *Петровский М.С.* Книга о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1966. 415 с.
11. *Федотова С.В., Соболев А.Л.* «...буду очень к Вам требователен»: письма Дмитрия Философова к Корнею Чуковскому (1908–1919) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 400–455.
12. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. 2-е изд., испр. М.: Агентство ФТМ, 2012–2013.
13. *Чукоккала:* рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. 584 с.

UNKNOWN EPISODE AT THE BEGINNING OF KORNEY CHUKOVSKY'S LITERARY CAREER

© 2023. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with an unknown episode in the K.I. Chukovsky's creative biography, connected with the first stage of his metropolitan career in the field of newspaper literary criticism, which has not yet been reflected in the literary studies. The article analyzes the reasons that made Chukovsky miss this episode in his late autobiographical essay "Signal". Based on a comparison of memoirs, diary entries and letters, as well as newly found archival materials, there are reconstructed events of the spring of 1905, when a young newspaperman from Odessa attempted to enter the world of St. Petersburg mass journalism. It is shown for the first time that the main mentor of Chukovsky in this period was the book reviewer and literary historian of Marxist orientation E.A. Solovyov (Andreevich) (1866–1905). An analysis of Solovyov's letters to Chukovsky, as well as Chukovsky's articles about Solovyov (including an obituary) makes it possible to determine the nature of their relationship and clarify the role of a senior journalist in the career of an aspiring literary critic. Particular attention is paid to the newly found open letter from Solovyov's widow to the "Teatralnaya Rossiya" magazine, in which an attempt was made to undermine Chukovsky's literary reputation and question the reliability of his memoirs about the late Solovyov. As a result, there are revealed four possible reasons for not mentioning the episode of the spring of 1905 in the later memoirs of the writer.

Keywords: Chukovsky, Jabotinsky, Solovyov (Andreevich), "Teatralnaya Rossiya", literary reputation, criticism, memoirs, biography.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Unknown Episode at the Beginning of Korney Chukovsky's Literary Career". *Codex manuscriptus*, issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 599–626. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-599-626>

REFERENCES

1. Berman, D.A. *Kornei Ivanovich Chukovskii. Biobibliograficheskii ukazatel'* [*Korney Ivanovich Chukovsky: Biobibliographic Index*]. Moscow, Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo Publ.; Vostochnaia literatura Publ., 1999. 467 p. (In Russ.)
2. *Ves' Peterburg na 1905 god. Adresnaia i spravocnaia kniga g. Sankt-Peterburga* [*The Whole Petersburg: Address and Reference Book of St. Petersburg for 1905*], ch. 3: *Alfavitnyi ukazatel' zhitelei g. S.-Peterburga* [*Alphabetical Index of Residents of St. Petersburg*]. St. Petersburg, Izdanie A.S. Suvorina Publ., 1905. 766 p. (In Russ.)
3. Ginzburg, L.Ia. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [*Notebooks. Memoirs. Essays*]. St. Petersburg, Iskusstvo SPb Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)
4. Ivanova, E.V. "Zhurnal 'Vesy' v biografii Chukovskogo" ["Magazine *Vesy* in the Biography of Chukovsky"]. *Ot Kibirova do Pushkina: sbornik v chest' 60-letii N.A. Bogomolova* [*From Kibirov to Pushkin: Collection in Honor of the 60th Anniversary of N.A. Bogomolov*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 143–148. (In Russ.)
5. Ivanova, E.V. *Chukovskii i Zhabotinskii. Istoriia vzaimootnoshenii v tekstakh i kommentariiakh* [*Chukovsky and Jabotinsky: The History of Relationships in Texts and Comments*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2005. 272 p. (In Russ.)
6. Karlova, T.S. *K. Chukovskii — zhurnalist i literaturnyi kritik* [*K. Chukovsky — a Journalist and Literary Critic*]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1988. 144 p. (In Russ.)
7. Lavrov, A.V. "Kak Kornei Chukovskii ne stal politicheskim zakliuchennym (materialy k istorii zhurnala 'Signal')" ["How Korney Chukovsky Did Not Become a Political Prisoner (Materials for the History of the *Signal* Magazine)"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2016, pp. 124–140. (In Russ.)
8. Luk'ianova, I.V. *Kornei Chukovskii* [*Korney Chukovsky*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 992 p. (In Russ.)
9. Mikhailova, M.V. "Zabytoe imia: Evgenii Solov'ev-Andreevich (1867–1905). U istokov marksistskoi literaturnoi teorii" ["Forgotten Name: Evgeny Soloviev-Andreevich (1867–1905): At the Origins of the Marxist Literary Theory"]. *Opyt filosofii russkoi literatury. Izbrannye trudy* [*The Experience of the Philosophy of Russian Literature. Selected Works*], by E.A. Solov'ev (Andreevich). Moscow, Modest Kolerov Publ., 2020, pp. 7–30. (In Russ.)
10. Lavrov, A.V., editor. "Perepiska K.I. Chukovskogo i V.Ia. Briusova" ["Correspondence of K.I. Chukovsky and V.Ya. Bryusov"]. *Kontekst-2008: istoriko-literaturnye i teoreticheskie issledovaniia* [*Context-2008: Historical, Lite-*

- rary and Theoretical Studies*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 275–405. (In Russ.)
11. Petrovskii, M.S. *Kniga o Kornee Chukovskom* [*The Book about Korney Chukovsky*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 415 p. (In Russ.)
 12. Fedotova, S.V., Sobolev, A.L. "...budu ochen' k Vam trebovatelen': pis'ma Dmitriia Filosofova k Korneiu Chukovskomu (1908–1919)" ["...I Will Be Very Demanding of You': Letters of Dmitry Filosofov to Korney Chukovsky (1908–1919)"]. *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnoi epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza* [*Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 400–455. (In Russ.)
 13. Chukovsky, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols.*]. 2nd ed., corr. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)
 14. *Chukokkala: rukopisnyi al'manakh Korneia Chukovskogo* [*Chukokkala: Korney Chukovsky's Handwritten Almanac*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 584 p. (In Russ.)